

19 июня 1971 г.

13:35

Аберфорт закончил наполнять все десять бокалов, заказанных студентами Хогвартса. Гермиона потянулась за своей палочкой, чтобы левитировать поднос перед собой. Она не верила, что сможет нести все эти напитки, не расплескав. Для начала ей нужно будет хорошенько попрактиковаться. С парящим в воздухе подносом Гермиона успела сделать всего один шаг, как мягкая рука остановила ее продвижение вперед.

«Если хотите, я могу отнести их им», - предложил Аберфорт с выражением беспокойства на лице. Ему не понравилась ее бурная реакция, когда она встретила взглядом с доловским мальчиком.

«Со мной все в порядке». Она попыталась успокоить его, улыбнувшись. «Как, по-твоему, я буду жить в пабе, если не привыкну общаться с надоедливymi клиентами?»

Он вынужден был уступить ей. Гермиона глубоко вздохнула, что не осталось незамеченным ее новым отцом, прежде чем выйти из-за барной стойки. Все взгляды были устремлены на нее, пока она пересекала просторы голой главной комнаты. Она целенаправленно начала движение как можно дальше от Антонина Долохова.

«Спасибо, Гермиона», - сказал Рабастан с очередным неумелым подмигиванием, когда она поставила перед ним его бокал.

«Не за что».

За исключением Люциуса Малфоя и Антонина Долохова, она узнала Рабастана только потому, что он сам представился. Все остальные молодые волшебники, сидящие за столами, были ей совершенно незнакомы. Малфой насмеялся над ней точно так же, как и его сын в последующие годы. Ей пришлось сдержать едкое замечание и рассмеяться. Драко явно не надеялся стать кем-то иным, чем он был с таким отцом. Когда на подносе осталось всего два бокала, а она оказалась в нескольких сантиметрах от очередного Пожирателя смерти, который преследовал ее в самых страшных кошмарах с шестнадцати лет, Гермиона почувствовала, как палочка в ее руке начала дрожать. Бокалы на подносе задрожали, грозя расплескаться.

«О, осторожнее. Осторожнее, милая».

Волшебник, сидевший слева от Долохова, протянул руку, чтобы схватить два последних бокала с плавающего подноса. Передав второй своему другу в конце стола, он обратил внимание на Гермиону.

«Никто из нас не кусается», - пообещал он, подмигнув куда более эффектно, чем Лестрейндж. «Конечно, если вы нас об этом не попросите».

Он был потрясающе красивым волшебником с кожей цвета карамели и самыми прекрасными каштановыми глазами, которые она когда-либо видела. Гермиона подумала, что несправедливо, что даже в семнадцать или восемнадцать лет есть те, кто, скорее всего, не пережил ни одного неловкого этапа в своей жизни. Кем бы ни был этот молодой человек, он, несомненно, всегда был красив. Она одновременно и ненавидела его, и хотела провести рукой по его тугим черным кудрям. Он показался ей знакомым, как человек, которого она знала раньше.

«Томас Шеклболт, - сказал молодой Адонис, протягивая ей руку. «Но ты, любимая, можешь называть меня как хочешь».

Она ненавидела себя за то, что не может сдержать непривлекательное фырканье, вырвавшееся у нее изо рта. Это была плохая привычка, от которой она должна научиться избавляться. Томас просто подмигнул ей еще раз. Краем глаза она заметила, как Долохов, потягивая свой напиток, драматично закатил глаза.

«Шеклболт?»

Гермиона была удивлена его фамилией. Он совсем не походил на Кингсли. Может, он был кузенком? За все время знакомства с волшебным миром она встречала только одного Шеклболта. Она знала, что они были уважаемой семьей, как члены Священной Двадцать восьмой, но больше о них почти ничего не знала. Может, Кингсли упомянул кого-то из родственников? Она мысленно укорила себя. Меньше чем за двадцать четыре часа до этого она решила, что этот человек - гомосексуалист и влюблен в Альбуса Дамблдора. Очевидно, она ничего не знала о министре.

«Неужели моя репутация опередила меня?» поддразнил Томас, прежде чем на его лицо легла мрачная тень. «Или мой младший брат уже перешел вам дорогу и создал у вас плохое впечатление обо всех Шеклболтах? Потому что, уверяю вас, мы с Кингсли очень разные».

«Нет, это просто необычное имя», - быстро сказала она.

За столом раздалось несколько насмешливых фырканий. Томас просто улыбнулся.

«Мисс, кем бы вы ни были», - начал Люциус, надменный тон которого был так похож на тон его сына. «Шеклболты - гордая чистокровная семья, которая может проследить чистоту своей крови на протяжении сотен лет. Если вы никогда раньше не слышали их имени, думаю, можно предположить, что ваша родословная не столь желательна».

Она наполовину ожидала, что он назовет ее грязнокровкой. В уголках ее глаз невольно заблестели слезы. Несмотря на то, что в свое время она много лет сталкивалась с подобными предрассудками, ей все равно было больно, когда ее так откровенно дискриминировали. Не успела она ответить на эти ненавистные слова, как Аберфорт схватил Малфоя за воротник и вырвал его из кресла. Все резко встали вокруг стола, приготовившись драться или бежать.

«Ты будешь говорить вежливым языком, когда обращаешься к моей дочери, Малфой!»

Люциус попытался пролепетать полусерьезное извинение. Аберфорт крепче сжал его воротник и опустил лицо ближе к краснолицему подростку.

«Если ты хоть раз посмотришь в ее сторону с ухмылкой на своем хорошеньком личике, я с радостью вышвырну тебя из этого паба голыми руками. Я понятно объясняю?»

Испуганный волшебник кивнул головой. Аберфорт грубо отпустил его и повалил обратно на стол. Люциус вцепился в воротник, его щеки все еще были красными от смущения.

«Мой отец узнает об этом», - пробормотал он.

«Да, пожалуйста, не стесняйтесь сообщить Абраксасу о вашем непростительном поведении», - отозвался Аберфорт, возвращаясь за барную стойку. «Нам с ним нужно свести старые счета. Я был бы рад такой возможности».

Гермиона смутилась еще больше. Она начала отходить от стола, но мягкое движение руки остановило ее. Томас одарил ее полуулыбкой.

«Мне очень жаль, мисс Дамблдор», - прошептал он. «Пожалуйста, не убегайте пока. Вы даже не назвали нам своего имени».

«Гермиона», - прошептала она.

«Прекрасно», - ответил Томас с еще одной душераздирающей улыбкой. «А это мой приятель Антонин Долохов».

Волшебник, который однажды нанесет на ее тело ужасные шрамы и чуть не убьет ее, протянул руку через стол, чтобы пожать ее. Как только они соприкоснулись, Гермиона почувствовала, что ее внутренности сжались. Она как можно быстрее отпустила его руку, безуспешно пытаясь избежать его взгляда.

«Мы здесь единственные два Рейвенкло, - продолжил Томас. Он указал большим пальцем на остальную часть стола. «Слизеринцы разрешили нам тусоваться с ними, потому что наша внешность привлекает всех симпатичных ведьм».

Гермиона рассмеялась над его дерзким замечанием, и напряжение спало. Томас улучил момент, чтобы познакомить ее со всеми, кто сидел за столом. Помимо тех, кого она уже знала, здесь были Огастус Руквуд, Уолден Макнейр, Феликс Трэверс, Людо Бэгмен и Максвелл Боул. Некоторые имена были до неприятного знакомы. Ее удивило, что все они были шестикурсниками, а не семикурсниками, как она ожидала. Если бы она решила вернуться в Хогвартс в сентябре, как советовал ей Аберфорт, то оказалась бы в одном классе со всеми ними.

«Где вы учились, мисс Дамблдор?» - спросил Долохов. спросил Долохов.

Она была потрясена, услышав его голос. За те два раза, что она была рядом с ним, она слышала, как он произносит всего несколько слов, прежде чем заглушить его заклинанием. Голос был глубоким, с малейшим намеком на акцент. Она слышала, что английский был его вторым языком. В доме Долохов говорили по-русски. Гермиона так сосредоточилась на звуке его голоса, что только через несколько мгновений поняла, о чем он ее спросил.

«Мама учила меня дома, - солгала она. «Мы много путешествовали. По всему миру».

«Как зовут твою маму?» спросил Рабастан, сузив глаза.

Его вопрос был задан так тихо, что Томас проговорил его прямо через себя, задавая другой. Гермиона не была готова признать, что она якобы давно потерянная кузина Рабастана. Признание было бы унижительным для них обоих после его неумелых попыток разговаривать с ней в баре. Она решила проигнорировать вопрос Рабастана и сосредоточиться на Томасе.

«Ты сдала экзамены?» - поинтересовался Томас, как положено рейвенкловцу.